

В. Г. Короленко

Старец Федор Кузьмич

Герой повести Л. Н. Толстого

В. Г. Короленко. Собрание сочинений в десяти томах.

Том восьмой. Литературно-критические статьи и воспоминания. Исторические очерки
М., ГИХЛ, 1955

Подготовка текста и примечания С. В. Короленко

OCR Бычков М. Н.

О старце Федоре Кузьмиче, герое повести Л. Н. Толстого, в исторических журналах существует целая, небольшая, правда, литература, а в последние годы личность таинственного отшельника стала предметом очень обстоятельного исследования. Было бы удивительно, если бы эта загадочная фигура не привлекла художественного внимания Л. Н. Толстого, до такой степени она заманчива и колоритна именно в толстовском духе: как бы ни выяснилась в дальнейшем действительная личность, скрывшая свое происхождение под кличкой Федора Кузьмича,-- но и теперь уже несомненно, что под этим скромным именем в далекой Сибири угасла жизнь, начавшаяся среди блеска на высотах общественного строя. Итак - отречение и добровольный уход,-- таково содержание этой загадочной драмы.

Вот в самых общих чертах то, что известно о Федоре Кузьмиче.

Осенью 1836 года к одной из кузниц около города Красноуфимска, Пермской губернии, подъехал верхом неизвестный человек, в простом крестьянском кафтане, и попросил подковать ему лошадь. Много, без сомнения, всякого звания людей проезжало по Красноуфимскому тракту, и многие из них подковывали своих лошадей, свободно отвечая на обычные вопросы любопытных кузнецов. Но в фигуре незнакомца было, повидимому, что-то особенное, обращавшее внимание, а обычные "придорожные" разговоры он поддерживал, может быть, неумело и уклончиво. Может быть, также, что и одежда была для него не совсем привычна, и в окружающей обстановке он ориентировался плохо. Как бы то ни было,-- разговор с кузнецами закончился тем, что неизвестного задержали и, по российской традиции, представили для разрешения недоумений "по начальству"...

На допросе он назвался крестьянином Федором Кузьмичем, но на дальнейшие вопросы отвечать отказался и объявил себя бродягой, не помнящим родства. Последовал, конечно, суд за бродяжество и, "на основании существующих узаконений", приговор: двадцать ударов плетей и ссылка в каторжные работы. Несмотря на многократные убеждения местных властей, относившихся с невольной симпатией к незнакомцу, в манерах которого чувствовалось, повидимому, какое-то превосходство,-- он стоял на своем, принял свои двадцать ударов, и 26 марта 1837 г. не помнящий родства бродяга Федор Кузьмич прибыл с арестантской партией в дер. Зерцалы, Боготольской волости, близ гор. Ачинска {"Русская стар.", янв., февр., март 1892 г. Справка из экспед. о ссыльных в гор. Томске.}. Таким образом неизвестный, появившийся нивесьь откуда и не сумевший удовлетворить любопытство красноуфимских кузнецов, смешался с бесправной массой арестантов и каторжников. Здесь, однако, он опять сразу выделился на тусклом фоне преступников, страдающих и угнетенных.

Наружность этого человека все, знавшие его, согласно описывают следующими чертами: рост выше среднего (около 2 арш. 9-ти вершков), плечи широкие, высокая грудь, глаза голубые, ласковые, лицо чистое и замечательно белое; вообще черты чрезвычайно правильные и симпатичные. Характер добрый и мягкий, по временам, однако, проявлял легкие признаки привычно сдерживаемой вспыльчивости. Одевался более чем скромно: в грубую холщевую рубаху, подпоясанную веревочкой, и такие же порты. На ногах коты и шерстяные чулки. Все это очень чистое. Вообще старец был чрезвычайно опрятен.

Первые пять лет "бродяга" Федор Кузьмич прожил на казенном Красноречинском винокуренном заводе, в пятнадцати верстах от дер. Зерцал. На принудительные работы его, впрочем, не употребляли: и начальство, и служащие завода относились к благообразному старцу с особой внимательностью. Поселился он сначала у пригласившего его в свой дом отбывшего срок каторги Ивана Иванова. Но потом, заметив, что старик тяготится совместной жизнью в избе, Иван убедил односельцев построить для